Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (26), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-53-82
https://elibrary.ru/MOCQOD

© 2024. Людмила Сараскина
Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

Влюбленный Разумихин: чу́дная судьба героя второго плана. Рассуждение в жанре апологии

© 2024. Liudmila I. Saraskina
State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Razumikhin in Love: The Wonderful Fate of a Secondary Character. A Discourse in the Genre of Apology

Информация об авторе: Людмила Ивановна Сараскина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, 125009 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-4844-4930
E-mail: l.saraskina@gmail.com

Аннотация: Статья-размышление посвящена одному из персонажей романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Дмитрию Разумихину, которого, как правило, относят к героям второстепенным, побочным и часто трактуют как личность обыкновенную, среднюю, даже заурядную, в отличие от существ высшего порядка. Выдвигается альтернативное предположение о том, что «второстепенность» Разумихина — качество кажущееся, мнимое; что за обманчивой мнимостью стоит нечто подлинное, настоящее, доказанное автором романа через неординарные поступки героя и обилие лестных, часто восторженных характеристик, необычных для поэтики Достоевского.

Смысл существования и противостояния в романе двух приезжих из российской провинции бедняков-студентов, вышедших из университета за неуплату и оставшихся наедине со своей судьбой, определяется *выбором социального поведения (исхода)*. *Раскольников* взламывает обстоятельства в попытке добиться всего и сразу ценой тяжкого преступления. *Разумихин* намерен выкарабкаться из нужды копеечными заработками, закончить курс в университете, получить профессию и встать на ноги. Идя на преступление, Раскольников отвергает путь Разумихина.

Особое внимание уделено любовной истории Разумихина, которой приданы черты рыцарственного благородства, душевной готовности служить даме сердца без какого бы то ни было расчета. Вспыхнувшая любовь к сестре Раскольникова означает для Разумихина еще и всеобъемлющую заботу не только о любимой, но и обо всех ее близких, что бы с ними ни случилось. Любовь Разумихина — чувство преображающее и созидательное; автор, которому была хорошо известна спасительная миссия настоящего дела, позаботился, чтобы Родиону Романовичу, когда закончится его каторжный срок, было к кому обратиться за советом и поддержкой. Преданную любовь Раскольникову обещала Соня Мармеладова, но помочь найти себя и свой путь в новых условиях могли только Разумихины, Дуня и Дмитрий.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Раскольников, Разумихин, герой второго плана, выбор социального поведения, любовная история, рыцарь, послушание.

Для цитирования: *Сараскина Л.И.* Влюбленный Разумихин: чу́дная судьба героя второго плана. Рассуждение в жанре апологии // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 53–82. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-53-82

Information about the author: Liudmila I. Saraskina, DSc in Philology, Leading Researcher, State Institute for Art Studies, Kozitskii Lane, 5, 125009 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-4844-4930

E-mail: l.saraskina@gmail.com

Abstract: This paper is dedicated to one of the heroes of Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*, Dmitry Razumikhin, who is usually regarded as a minor, accessory character and often considered an ordinary, average, even mediocre personality in contrast to higher figures. The paper suggests that Razumikhin's "minority" is a deceptive evaluation that overlooks the real value of the character. His importance is shown by the author through Razumikhin's extraordinary deeds and through many complimentary remarks about him, which are very unusual for Dostoevsky's poetics. In the novel, the opposition between the two poor students who have come to the capital from Russian provinces, have left the university as they could not pay for it, and must face their fate alone, is determined by their *choices of social behavior*. Raskolnikov breaks through the circumstances, trying to get everything at once by committing a terrible crime. Razumikhin is resolved to overcome his poverty by way of petty earnings, complete his university education, become a professional and a financially independent person. Choosing the way of a crime, Raskolnikov rejects the ways of Razumikhin. Of special importance is Razumikhin's love story. He loves as a noble knight, ready to serve his lady selflessly. For Razumikhin, his love for Raskolnikov's sister entails an all-embracing care not only for his sweetheart but for all her relatives as well, whatever might happen to them. Razumikhin's love is a transforming and creative feeling. Dostoevsky, who knew very well the saving mission of work, saw to it that Rodion Romanovich, after his prison term, had someone to come to for advice and support. Sonya Marmeladova promised Raskolnikov her

devoted love, but only the Razumikhins, Dunya and Dmitry, could help him recover and find his way in new circumstances.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Raskolnikov, Razumikhin, secondary character, choice of a social behavior, love-story, knight, obedience.

For citation: Saraskina, L.I. “Razumikhin in Love: The Wonderful Fate of a Secondary Character. A Discourse in the Genre of Apology.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (26), 2024, pp. 53–82. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-53-82

У обыкновенных, текущих людей красота условна.
И тогда только очищается чувство, когда соприкасается
с красотою высшей, с красотою идеала.
Ф.М. Достоевский. Записная тетрадь 1876–1877 гг.
[Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 198].

Как известно, апология (от др.-греч. ἀπολογία «оправдание») — защитная речь или защитное сочинение. Предполагается, что объект апологии подвергается внешним нападкам. Вспомним хрестоматийное — защитительную речь Сократа: «Я вам предан, афиняне, и люблю вас, но слушаться буду скорее бога, чем вас, и пока я дышу и остаюсь в силах, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что обыкновенно говорю <…>. Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, молодого и старого, заботиться раньше и сильнее всего не о теле и не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше <…>» [Платон, 1968, с. 98–99].

Рассуждения в жанре «апологии» часто трактуются как защита предвзятая, без обязательного баланса положительных и отрицательных качеств объекта. Но мне не впервые хочется вступиться за Дмитрия Разумихина, опровергнуть несправедливую трактовку его личности и его роли в романе «Преступление и наказание». Сошлюсь на давнюю полемику о цене спасения, о путях к вере, о «дороге в Иерусалим», случившуюся на заседании XXXIV Международных чтений «Достоевский и мировая культура» в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге 13 ноября 2009 года. Так, пермский коллега О.И. Сыромятников утверждал, что Раскольников через свое преступление пришел к Богу и потому оправдан в глазах истинно верующих людей. На мой, быть может,

слишком задиристый вопрос, почему же Достоевский не вложил топор и в руки Разумихина, чтобы пустить и его по «дороге в Иерусалим», коллега с некоторым даже вызовом ответил: «Так Разумихин же вопиющая посредственность!» [Сараскина, 2010, с. 235].

Помню, как обидно мне стало за Дмитрия Прокофьевича, каким несправедливым показался мне подобный вердикт — *invectiva*, если на латыни, *наезд*, если по-русски. То есть, возражала я, получается, что Разумихин — настолько посредственность, что и убить никого не решился, чтобы к Богу прийти. И это говорится о Разумихине, кто зарабатывает себе на хлеб уроками и переводами, кто готов поделиться последним рублем с Раскольниковым, кто не бросил друга в беде! Но ведь и сам роман, где так много хорошего и доброго сказано о Разумихине, противоречит категорическому вердикту.

Меня к тому же поражала логика оправдания Раскольникова (тоже своего рода апология): да, он умышленный убийца (теория «крови по совести» ужаснет Разумихина!), но он христианин, он ищет путь к Богу через преступление; он претерпит наказание, и оно вернет его к людям; он полюбит Соню и через любовь будет спасен. Картина выглядела так, будто Достоевский ничего другого не может предложить своему герою, кроме двойного убийства, чтобы в конце концов привести его к вере, как будто и способа другого поверить в Бога у человека нет, и потому — «Убий!».

Преследовал вопрос: какую бы судьбу для Родиона Раскольникова предпочли его мать и сестра, покойная невеста девица Наталья Егоровна Зарницына и ее мать, Прасковья Павловна, сокурсник Дмитрий Разумихин, Соня Мармеладова, ее отец и мачеха, кухарка Настасья и прочие обитатели дома, где проживал студент, — воздержаться от практического применения теории «крови по совести» или все же рискнуть и пролить невинную кровь, но потом, много позже, полюбить Соню, уверовать в Бога и тем спастись?

Ответ: «убить, пролить кровь» категорически не получался.

Тем не менее я испытала чувство благодарности к коллеге за его вербальную агрессию — она заставила задуматься о смысле романной судьбы Разумихина, о его настоящей роли в «Преступлении и наказании», ведь даже в весьма серьезных исследованиях он совсем или почти вытеснен из рассмотрения. Позволю себе несколько примеров.

Так, исключительное значение «Преступления и наказания» в истории русского и мирового романа Г.М. Фридлендер видел в том,

что Достоевский реалистически изобразил «новый для его эпохи, сложный тип “молодого человека XIX века”» [Фридлендер, 1964, с. 149]. Разумеется, это сказано о Раскольникове; второй «молодой человек» вовсе исчез из поля зрения ученого.

В интереснейшей, во многом новаторской двухсотстраничной книге Ю.Ф. Карякина «Самообман Раскольникова» [Карякин, 1976] Разумихин упоминается лишь ради нескольких высказываний о Раскольникове («Полтора года я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и горд <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 165]). Кто́ для Раскольникова Разумихин, имеет ли он в романе самостоятельное значение или он всего лишь мерцающая тень главного героя — такие вопросы в исследовании не ставятся [Карякин, 1989, с. 13–198].

В 2001 году К.А. Степанян написал предисловие к роману «Преступление и наказание» для издательства «Детская литература» (серия «Школьная библиотека»). «Смерть и спасение Родиона Раскольникова» [Степанян, 2005, с. 295] — так называется увлекательный и подробный рассказ автора об искушениях и переживаниях главного героя. Но и здесь не нашлось места для героя второго плана Дмитрия Разумихина с его необыкновенной миссией, о которой вдохновенно поведал в романе Достоевский.

Статус *второстепенного* — не только по числу появлений в романе, но и по смыслу романного присутствия[1] — закрепился за Разумихиным и в школьном преподавании, и в интернет-ресурсах как качество неоспоримое, само собой разумеющееся[2].

…Я представила себе роман, быть может, даже роман Достоевского, где бы такой герой, как Разумихин, был бы в центре внимания, в главной роли, вокруг него вращалось бы действие и строилось повествование. На фоне сюжета о его счастливой женитьбе на девушке замечательной красоты кратко, мимоходом, упоминалось бы нелепое убийство пожилой чиновницы неким студентом, братом

[1] «Полу-побочным» обозначила статус Разумихина О.А. Меерсон в докладе «Преподавание “Преступления и наказания” в эпоху искусственного интеллекта», прозвучавшем на одном из заседаний III Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения» (ИМЛИ РАН, 28, 29 февраля 1 марта 2024).

[2] См., например: «Разумихин является одним из ярких второстепенных персонажей знаменитого романа “Преступление и наказание” Достоевского» [Мир русской литературы]; «Дмитрий Разумихин — второстепенный герой» [Зарицкая]; «Второстепенные персонажи становятся идеологическими союзниками или оппонентами главного героя» [Литература — школе].

девушки, которого осудили и сослали на каторгу. Упоминался бы и немолодой помещик, с кем даже пришлось соперничать Разумихину, и как тот помещик, не добившись взаимности, сдуру застрелился.

Напрашивался вопрос: имел бы такой роман, с таким главным героем, литературный успех? Заслуживает ли *обыкновенный* счастливый человек, не отягощенный душевными изъянами, завиральными идеями, криминальным прошлым, с хорошими перспективами на будущее, — заслуживает ли он право на внимание романиста? Интересен ли он будет читателям?

Ответ представлялся очевидным: вряд ли. Потому что искусство, руководимое художественным вымыслом, по умолчанию подчинено неписаному стандарту, где *злое* ярче *доброго*, *несчастное* занимательнее *благополучного*, *необычное* выигрышнее *обыденного*. *Нормальное* не делает в искусстве погоды, не дает рейтинга (как сказали бы сегодня). «Достоевский чувствовал себя в затруднительном положении, когда ему приходилось обращаться к людям обыкновенным, — полагал В.Я. Кирпотин. <...> Средние люди были необходимы и Достоевскому для того, чтобы не утратилось правдоподобие рассказа» [Кирпотин, 1972, с. 297–298].

Счастье *обыкновенного* влюбленного мужчины мало кого заинтересует, скорее даже будет раздражать. «Всю силу своего гения Достоевский уделял высшим экземплярам» [Кирпотин, 1972, с. 298]. Г.С. Померанц писал о главных героях Достоевского как о людях «с сильным сердцем»: «Эта сила прежде всего делает их привлекательными эстетически. <...> Во всем крупном — даже в большом зле — есть какие-то чары. Почему это так? Да потому, что сила, энергия — синоним полноты жизни, и если жизнь есть благо, то сила тоже благо. <...> Поэтичность крупного, энергичного зла — не в зле, а в силе, без которой невозможно и добро утвердить» [Померанц, 1990, с. 78–79].

Таким образом, на главную роль вполне пригодился бы Свидригайлов: хищный тип, удачливый охотник по части женского пола, с большим опытом предосудительных страстей, в нем есть и зло, и сила, и чары. Можно разгуляться фантазии, и опять-таки герой покончил с собой, что тоже пригодится для интриги.

Но Разумихин? Главный герой? Можно ли построить с таким персонажем (средним? ординарным? посредственным?) гениальный роман, который бы читали и перечитывали вот уже полтора столетия и находили все новые и новые резоны — изучать его на уроках

в школе и на занятиях в вузе, без конца экранизировать и иллюстрировать, а теперь еще и обсуждать на просторах Интернета?

Опять же: ответ выходил безоговорочно отрицательным.

Но тогда зачем вообще Разумихин нужен был Достоевскому рядом с Раскольниковым[3]? В густой тени Раскольникова? В сопоставлении с Раскольниковым? В противопоставлении Родиону Романовичу? В чем смысл «второстепенной роли» Разумихина, его «полу-побочности»? Только ли для правдоподобия рассказа?

Забегая вперед, позволю предположить: быть может, «полу-побочность» Разумихина — качество все же кажущееся, мнимое, и за этой обманчивой мнимостью стоит нечто подлинное, настоящее, доказанное автором романа через поступки героя и прямые авторские характеристики.

Попробуем разобраться.

I

Первое упоминание на страницах романа фамилии «Разумихин» случилось, когда Раскольников, прочитав письмо матери с возмутившим его известием о скором замужестве сестры, вышел на улицу, побрел не разбирая дороги, но вдруг осознал, что ноги сами несут его к Васильевскому острову, «как будто торопясь туда за делом». «А куда ж я иду? — подумал он вдруг. — Странно. Ведь я зачем-то пошел. Как письмо прочел, так и пошел... На Васильевский остров, к Разумихину я пошел, вот куда, теперь... помню. Да зачем, однако же? И каким образом мысль идти к Разумихину залетела мне именно теперь в голову? Это замечательно» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 35].

Замечательным было то, что сигналами беды, прозвучавшими в письме матери и требовавшими экстренных мер, Раскольников

[3] Вопрос — «Зачем в романе Вразумихин?» — был поставлен в 2021 году иркутским литературоведом О.Ю. Юрьевой в докладе на Старорусской конференции «Достоевский и современность», а затем и в одноименной статье. «В Разумихине, — справедливо пишет исследователь, — явлен весьма редкий для литературы тип “положительного героя”, лишенного каких бы то ни было “глубин” и “неразрешимых противоречий”. А феномен искусства, на наш взгляд, состоит в том, что такие образы, как правило, не привлекают внимания ни авторов, ни читателей. Они зачастую кажутся скучными, ходульными, неинтересными. Почему? Потому ли, что добро не имеет ярко выраженных характеристических проявлений, а положительные качества личности, как правило, в ярких деяниях и поступках не проявляются: человек просто добр, благороден, милосерден, чист душой. Добро как бы “растянуто” во времени и пространстве, а зло локализовано, выпукло, ярко в своих проявлениях» [Юрьева, 2023, с. 120].

неосознанно хотел было поделиться с Разумихиным, будто только этот человек смог бы спасти положение, отвратить неизбежное.

Но довериться первому побуждению Раскольников тут же и раздумал. Он не сомневался, что Разумихин мог бы достать ему уроки, поделился бы копейкой, чтобы костюм поправить, ибо как ходить на уроки в лохмотьях? «Ну, а дальше? На пятаки-то что ж я сделаю? Мне разве того теперь надобно? Право, смешно, что я пошел к Разумихину... <...>. Что ж, неужели я всё дело хотел поправить одним Разумихиным и всему исход нашел в Разумихине?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 44].

В.А. Викторович, анализируя эпизод несостоявшегося тревожного визита Раскольникова к Разумихину, попытался понять, каким на самом деле Родион Романович видит образ мыслей и жизненные правила приятеля. «Когда Раскольников идет к Разумихину, у него подспудно срабатывает желание: а может быть, еще можно обойтись без убийства? Может быть, не *ломать обстоятельства*, а *приспособиться* к ним, как Разумихин?» [Викторович, 2019, с. 213]. (Подчеркнуто мной. — *Л.С.*).

Но разве Разумихин показан *приспособленце*м — человеком беспринципным, стремящимся подчинять обстоятельствам свои взгляды, вкусы, убеждения? Слово «приспособленец», сопоставимое со словами «двурушник», «оппортунист», «конформист», «конъюнктурщик», «хамелеон», имеет в русском языке дурную репутацию.

Проблемой *выбора своего социального поведения* (исхода) и в самом деле определяется смысл существования и противостояния в романе двух бедняков-студентов, вышедших из университета за неуплату и оставшихся наедине со своей судьбой.

Раскольников трезво сознает альтернативу: *поправить дело одним Разумихиным* — значит, отказаться от *проклятой мечты*, выкарабкиваться из нужды копеечными заработками, закончить курс в университете, получить профессию и встать на ноги — то есть жить, как живут многие тысячи честных людей. Честных и обыкновенных, кем Раскольников считать себя категорически не хочет.

И он отвергает *исход по Разумихину*.

Исход по Раскольникову — означает нечто противоположное: противиться обстоятельствам и ломать их, пренебрегать медными пятаками, добиваться всего сразу и любой ценой. Вспомним выразительный диалог с кухаркой Настасьей, которая спрашивает жильца,

задолжавшего деньги за комнату: «Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь? <...>

— Без сапог нельзя детей учить. Да и наплевать.

— А ты в колодезь не плюй.

— За детей медью платят. Что на копейки сделаешь? <...>

— А тебе бы сразу весь капитал?

Он странно посмотрел на нее.

— Да, весь капитал» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 26–27].

Раскольников решает не идти к Разумихину *теперь*, в первом тревожном порыве. Идти к Разумихину прежде *«дела»* нельзя — вдруг решимость ослабнет или совсем пропадет, ведь тот одним своим видом может *настроить против «дела»*. Но можно, и даже нужно, пойти на другой день, когда *то («дело»)* будет *кончено*. Пойти после *«дела»* — значит доказать самому себе, что *«дело»* он стойко выдержал и ему все нипочем.

II

Итак, первое упоминание о Разумихине имеет и первостепенное же значение: главный и второстепенный персонажи представлены как *антиподы*, и в таком противопоставлении они имеют равное значение.

Конечно, оба они — приезжие из российской провинции в имперскую столицу студенты (Раскольникову 23 года, Разумихин предположительно его ровесник), оба учатся на юридическом факультете, оба очень бедны, оба проучились недолго и отчислены из университета за неуплату.

Но проблема, однако, не в том, Раскольников замкнут и высокомерен, а Разумихин весел и сообщителен, добр и прост.

Проблема и не в том, что Раскольников замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен, с тонкими чертами лица [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6], а Разумихин высокий, худой, всегда худо выбрит, черноволос, слывет за силача и может пить до бесконечности, но может и не пить [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 44].

Проблема в том, что Раскольников принимает помощь от матери, из ее мизерного пенсиона (120–125 рублей в год), право на получение которого Пульхерия Александровна отдала купцу Вахрушину, иначе тот не давал ей в долг [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 27]. Точно также братец Родя принял помощь и от сестрицы Дуни,

которая взяла вперед у помещика Свидригайлова свое полугодовое жалованье гувернантки (100 рублей), чтобы бóльшую часть из него (60 рублей) выслать брату [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 28].

И вот важнейшее принципиальное отличие Разумихина от Раскольникова: «Был он (Разумихин. — *Л.С.*) очень беден и решительно сам, один, содержал себя, добывая кой-какими работами деньги» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 44].

Фраза буквально кричит: каждое следующее слово в ней усиливает предыдущее. И вот главное: «Он знал бездну источников, где мог почерпнуть, разумеется заработком» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 44]. Знал источники, ибо хотел их знать и искал их, деньги получал через заработок, а не через убийство, грабеж, вымогательство, карточную игру или иные сомнительные способы. Строка «анкеты» Разумихина выглядит как вызов, пожалуй даже как пощечина Раскольникову.

За сутки до «*дела*» (то есть до убийства пожилой ростовщицы Алены Ивановны), пробудившись в холодном поту от ужасного, безобразного сна про забитую насмерть лошаденку, Родион Романович почувствовал, что колеблется. Смутно и тесно было у него на душе: «Боже! — воскликнул он, — да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50].

Вновь и вновь повторял он то мысленно про себя, то вслух как бы для себя, что убийства процентщицы не вынесет и не вытерпит, что пойти на такое дело не решится и что теперь он свободен от наваждения. «Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50].

Молитва эта была, наверное, и горячей, и глубокой. Но неужели он и в самом деле ничего не знал про *свой путь*, неужели и впрямь нуждался в подсказке свыше? Ведь уже размышлял об *исходе по Разумихину и отверг его*...

Так или иначе не Господь указывает ему его путь: на «*дело*» толкает подслушанный разговор на Сенной: завтра вечером Алены Ивановны не будет дома. Отречься от проклятой мечты не удалось...

Когда уже после «*дела*» Раскольников придет в дом на Васильевском острове, там, в каморке на пятом этаже, и предстанет перед ним

воочию «*его путь*»: Разумихин, чей клеенчатый турецкий диван был еще хуже, чем диван Раскольникова, «сидел у себя в истрепанном до лохмотьев халате, в туфлях на босу ногу, всклокоченный, небритый и неумытый» и «в эту минуту занимался, писал» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 87].

Чтó Раскольников ожидал увидеть здесь? Зачем пришел? Проверял, сможет ли как ни в чем не бывало явиться к приятелю после *того*? Хотел почувствовать свое превосходство? «Будто уж я и не могу теперь зайти...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 87].

Оказалось — все обстоит хуже некуда: зайти мог, но видеть Разумихина не мог: тот стоял перед ним живым укором. Непереносимо было Родиону Романовичу слышать рассказ о текстах для перевода с немецкого, сознавать, что добряк Разумихин уступает ему половину работы и половину аванса, да еще из благородства оправдывается, будто у него неважно с орфографией и швах с немецким. «Что получается? — замечает В.В. Викторович. — Он приходит к Разумихину, своему другу, тот ему хочет помочь, и Раскольников вдруг понимает, что между ним и его другом теперь пролегла пропасть, и он перешагнуть ее не в силах» [Викторович, 2019, с. 217].

Не будем придираться к немецким листам, к той чепухе, которую Разумихин взялся переводить[4]. Вспомним, как «судьба благословила» 22-летнего Достоевского «идеей, или предприятием», и он, как Разумихин Раскольникова, приглашал брата Михаила участвовать «в трудах, риске и выгодах» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 83], собираясь переводить роман Эжена Сю «Матильда»; сам узнавал стоимость бумаги, типографских услуг, цену за экземпляр. Предприятие не состоялось, но дело не в этом, а в том, что Достоевский, еще прежде своего второстепенного героя, знал, какие бывают источники, и пытался зарабатывать переводами пусть и копеечные деньги.

Доброта и великодушие, когда они направлены не от тебя, а на тебя, вынести гордецу трудно, и Раскольников сначала берет, но через минуту возвращает немецкие листы вместе с авансом. «Не надо переводов», — бормочет он. «Так какого же тебе черта надо?», — кричит Разумихин. «Эй, ты! Где ты живешь?» — снова пытается докричаться Разумихин. Не услышав ответа, снова бросает вслед

[4] Б.Н. Тихомиров убедительно доказывает, что статья «Человек ли женщина?», которую Разумихин предлагает переводить Раскольникову, не такая уж и чепуха. Она «оказывается не только откликом на современную журнальную полемику, но и значимым элементом в художественной структуре романа» [Тихомиров, 2005, с. 149].

Раскольникову – тот уже спустился с лестницы и вышел на улицу: «Ну так чер-р-рт с тобой!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 89].

То есть, пожать плечами, подумать: «нет так нет», захлопнуть за Родей дверь, вернуться к своей работе и тут же забыть о странном (зачем приходил? чего хотел?) поведении гостя — это было бы в порядке вещей. Так, скорее всего, поступил бы на месте Разумихина любой другой занятой человек, которого оторвали от работы непонятно зачем.

Вообще же если исходить из убеждения, что каждый человек — так или иначе суверенная личность, хозяин своей жизни и центр своей индивидуальной вселенной, то можно утверждать, что нет людей главных и людей второстепенных. Каждый — сам для себя главный и потому имеет право размышлять о других, ктó они для них. Ктó для Дмитрия Разумихина Родион Раскольников? Это позже они станут родственниками — Разумихин Раскольникову зятем, Раскольников Разумихину шурином. Но до того как студенты породнились, они были просто сокурсниками, каких много, целый курс.

Раскольников, обычно смотревший на иных-прочих товарищей свысока, держался особняком, в общих делах не участвовал, «всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело», с Разумихиным «почему-то сошелся» и «был с ним сообщительнее, откровеннее» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 43]. В чем именно заключалась откровенность Раскольникова — вопрос открытый; позже станет ясно, что свою статью он Разумихину не показывал, теорию «крови по совести» с ним не обсуждал, намерение совершить «пробу» скрыл. К моменту встречи, закончившейся ничем, они «месяца четыре» не встречались и не общались. Разумихин «не знал даже его квартиры. Раз как-то, месяца два тому назад, они было встретились на улице, но Раскольников отвернулся и даже перешел на другую сторону, чтобы тот его не заметил. А Разумихин хоть и заметил, но прошел мимо, не желая тревожить *приятеля*» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 44].

Так какое все-таки дело Разумихину до прежнего товарища? Тот явился непрошеным, с невнятной целью, однако всклокоченный хозяин попытался сделать всё, что требовала студенческая солидарность и что диктовала природная доброта. Но то, как будет вести себя Разумихин дальше, объяснить одной добротой невозможно. На сцену выходит личность многогранная и незаурядная, способная видеть больше и дальше других, умеющая принимать решения

сложные и совершать поступки неординарные. Окажется, что этот *простак* и *хлопотун хлопочет* не для вида и не для показа — он вовсе не таков, чтобы оставить угрюмого приятеля наедине с чертом. Через адресный стол Разумихин разыскивает Раскольникова; застав того в болезни, три дня сряду поит чаем с ложечки. Казалось бы, зачем нужен ему скрытный неблагодарный Раскольников? Зачем ищет подходы к хозяйке дома, где тот проживает, и спасает его вексель? Зачем приволакивает узел с одеждой и заставляет Родю распрощаться с лохмотьями? Зачем пытается вытащить его из беды, названия которой еще не знает, и втащить на свою колею, пустить по своему пути?

Разумихин обнаруживает бездну здравого смысла и предприимчивости; находит лавку с сезонной одеждой, пусть и поношенной, но приличной (сегодня это называется second hand), покупает вещи наугад, но все подходит. Понимая, как важна в таких делах безупречная честность и щепетильность, дает полный, до последней копейки, отчет за потраченный червонец.

Как это не похоже на «чер-р-р-т с тобой»!

Замечу: хлопоты Разумихина по превращению Раскольникова из *лохмотника в человека*, чтобы тот хотя бы на уроки мог ходить, как подобает учителю, совершаются бескорыстно, без расчета и выгоды для себя, и еще до знакомства с сестрой Родиона, о которой известно только, что она существует. Разумихин не оставит Раскольникова, когда тот будет исступленно гнать прочь от себя «мучителей»: «Я один хочу быть, один, один, один!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 119]. Разумихин поймет всю серьезность беды, когда Родя попытается прогнать его. «Неужель ты не видишь, — выговаривает он Разумихину, — что я не хочу твоих благодеяний? И что за охота благодетельствовать тем, которые... плюют на это? Тем, наконец, которым это серьезно тяжело выносить? Ну для чего ты отыскал меня в начале болезни? Я, может быть, очень был бы рад умереть? Ну, неужели я недостаточно выказал тебе сегодня, что ты меня мучаешь, что ты мне... надоел! Охота же в самом деле мучить людей! <...> Чем, чем, научи, умолить мне тебя, наконец, чтобы ты не приставал ко мне и не благодетельствовал? Пусть я неблагодарен, пусть я низок, только отстаньте вы все, ради Бога, отстаньте! Отстаньте! Отстаньте!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 129–130].

Но не таков Разумихин, чтобы обидеться как барышня и, пользуясь моментом, обратиться в бегство. «Объявляю тебе, — говорит

он Раскольникову, — что все вы, до единого, — болтунишки и фанфаронишки! Заведется у вас страданьице — вы с ним как курица с яйцом носитесь! Даже и тут воруете чужих авторов. Ни признака жизни в вас самостоятельной! Из спермацетной мази вы сделаны, а вместо крови сыворотка! Никому-то из вас я не верю! Первое дело у вас, во всех обстоятельствах — как бы на человека не походить!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 130].

Он даст понять Раскольникову, сколь банальны и поза отвращения его от людей, и желание остаться одному. В порыве откровенности признается: «Я тысячу раз точно так же с людьми расплевывался и опять назад прибегал... Станет стыдно и воротишься к человеку!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 130].

Это признание, сделанное «по случаю», приоткрывает крохотную щель в прошлое Разумихина, которому, при его молодых годах, досталось, по-видимому, тоже немало страданий и тревог, но средство спасения от стыда и одиночества он испытал сначала на себе.

III

Евангельские слова: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13) — к случаю Разумихина, казалось бы, прямого отношения не имеют: он не погибает ради друга, оба они проживают все романное время и, по замыслу писателя, останутся действующими лицами в пост-романной истории. Тем не менее поступки Дмитрия Прокофьевича показывают, что им движет нечто значительно большее, чем то, что обычно движет «просто приятелями». Безоговорочная готовность оказать помощь тому, кому она необходима, стойкое стремление подставить свое плечо попавшему в беду, уникальная способность правильно организовать спасительную миссию — все это относит Дмитрия Разумихина к числу перворазрядных персонажей не только романа «Преступление и наказание», но всего творчества Достоевского.

Стоит заметить: синонимами к понятию «второстепенный персонаж» служат слова: заурядный, малосущественный, незначительный, нестоящий, побочный, подчиненный, посредственный, служебный и т. п. [Карта слов и выражений русского языка]. Нетрудно убедиться, что ни одно из них не подходит к образу Разумихина ни по объему смыслов, ни по свойствам характера, хотя формально пребывание его на втором плане вполне выдерживается.

О нем как о второстепенном персонаже мало что известно — ни кем были его отец и мать, ни где он родился и вырос (понятно только, что в провинции), ни каким было его детство, ни на какие средства приехал он в Санкт-Петербург и поступил в университет. Однажды он назовет свою настоящую фамилию — Вразумихин, а не Разумихин, как его «все величают». Обе версии громко «говорят» и понятно расшифровываются: рассудительный, толковый, понятливый, мудрый, а еще способный убеждать, разъяснять, вразумлять [Разумихин]. Он скажет о себе: «дворянский сын», а не «дворянин». Значит ли это, что его отец, должно быть, покойный, имел статус личного дворянина, полученный за заслуги на гражданской службе и не передающийся по наследству? [Юрьева, 2023, с. 122].

То есть, Разумихин, у которого, по его признанию, нет матери [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 165], — сирота-разночинец; у него нет и никогда не было ни наследственного имения, ни воспоминаний о детях крепостных крестьян, с кем бы он мог играть в детстве (освобождение крестьянства состоялось на его юношеской памяти). Из всей родни есть только любимый дядя (неизвестно, брат ли он матери или брат отца), «прозябавший всю жизнь уездным почтмейстером... пенсионишко получает, шестьдесят пять лет, не стоит и говорить...». По-видимому, дядя тоже одинок, ибо скопленные за всю жизнь небольшие сбережения он готов отдать племяннику, которого навещает «в пять лет по разу» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 104]. Впрочем, приехавший в Петербург дядя, о котором Разумихин рассказывает доктору Зосимову, так и останется за кадром.

Трудно назвать хотя бы еще одного персонажа Достоевского, кого бы писатель наделил столь щедро, столь выдающимися личными качествами, и о котором мог бы говорить при каждом удобном случае и даже без случая. Почти всегда это пышный букет из несомненных достоинств. Честный, деловой, рассудительный. Трудолюбивый, общительный, веселый. Расторопный и заботливый. Много раз подчеркивается простота и простоватость Разумихина, которые, однако, совсем его не портят, а только увеличивают обаяние доброты: «Под этою простотой таились и глубина, и достоинство. Лучшие из его товарищей понимали это, все любили его. Был он очень неглуп, хотя и действительно иногда простоват» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 43].

Несомненно, к «лучшим из его товарищей» относится и Раскольников, который при всей своей надменной гордости смог оце-

нить Дмитрия (Митю!) за трезвый ум, порядочность и преданную доброту. Но удивительно, как при таких качествах, признаваемых всеми, кто его знал, Разумихин постоянно сомневается в себе, ругает себя за грубые манеры и «трактирное обращение» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 162]. Обладая богатырской мощью и слывя за силача, мог буянить, драться и проказничать. Этот богатырь и весельчак, разумник и простак, неуклюжий, как медведь, с огромными ручищами и нежным сердцем, «был еще тем замечателен, что никакие неудачи его никогда не смущали и никакие дурные обстоятельства, казалось, не могли придавить его. Он мог квартировать хоть на крыше, терпеть адский голод и необыкновенный холод» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 44].

Много позже другой герой Достоевского (тезка Разумихина по имени) скажет обескураживающие слова о человеке, в ком «берега сходятся» и «все противоречия вместе живут»: «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 100]. Но в романе о Раскольникове широта натуры Дмитрия Разумихина никак не подлежит «сужению»: она естественна, гармонична и созидательна.

Начинающий студент-юрист Разумихин первый, еще до Порфирия Петровича, поразительно точно воспроизведет картину убийства ростовщицы; поймет, что полиция ошибается, обвиняет в убийстве совсем *не того* человека и что красильщик Миколка Дементьев, крестьянин Зарайского уезда, ни в чем не виноват. Коробку с серьгой из сундука Алены Ивановны, рассудит студент, случайно выронил из кармана настоящий убийца, когда за дверью стоял и ждал, чтобы все ушли, а Миколка лишь ее подобрал. «Коробка же ясно доказывает, что он (убийца) именно там и стоял. Вот и вся штука» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 111].

Человеку трезвого и острого ума, *второстепенному* Разумихину, которым автор романа однако же «весьма очарован» [Мысляков, 1974, с. 159], поручено в пух и прах разбить примитивную формулу, согласно которой преступников «среда заела»: «Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 197]. Страстная защита в присутствии Раскольникова и Порфирия Петровича «живой жизни» против теоретической «мертвечины» — прямое доказательство стараний автора «задобрить читателя в пользу Разумихина» [Мысляков, 1974, с. 159].

Он не смолчит и когда узнает про публикацию статьи Раскольникова о «необыкновенных» лицах, для кого и закон не писан. «Да как же это? Быть не может, чтобы так!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 197], — воскликнет он с волнением и недоумением. Но едва услышит изложение статьи самим Раскольниковым, будет потрясен до глубины души и станет единственным, кто прямыми словами выразит свое мнение о праве «необыкновенных» на преступление. «Что действительно *оригинально* во всем этом, — и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, — это то, что все-таки кровь *по совести* разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови *по совести*, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 202–203].

Разумихин не хотел верить и старался «всеми силами опровергнуть доводы Раскольникова» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 206].

В Подготовительных материалах к роману зафиксировано важное соображение насчет Раскольникова: «NB. С самого этого преступления начинается его нравственное развитие, возможность таких вопросов, которых прежде бы не было. В последней главе, в каторге, он говорит, что без этого преступления он бы не обрел в себе *таких* вопросов, желаний, чувств, потребностей, стремлений и развития» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 140].

Однако романное бытие Разумихина показывает, что грех убийства для жизни любого человека, его нравственного развития и совершенствования, категорически разрушителен, а не созидателен, что мысль Раскольникова (общеизвестное «нет худа без добра») во многом лукава: уж слишком тяжело и кроваво это «худо», за ним торчат размозженные головы двух женщин. Преступление не облегчает, а жестоко осложняет путь к развитию.

Разумихин, как мало кто из его окружения, способен *видеть* людей в их истинном свете; он вглядывается в душу каждого, с кем его сводит жизнь, и никогда не ошибается. Он не ошибется и тогда, когда ему придется заново *вглядеться* в Раскольникова, объявившего матери и сестре, что порывает с ними.

Одна из самых драматических сцен романа — *догадка* Разумихина. «В коридоре было темно; они стояли подле лампы. С минуту они смотрели друг на друга молча. Разумихин всю жизнь помнил эту минуту. Горевший и пристальный взгляд Раскольникова как будто

усиливался с каждым мгновением, проницал в его душу, в сознание. Вдруг Разумихин вздрогнул. Что-то странное как будто прошло между ними... Какая-то идея проскользнула, как будто намек; что-то ужасное, безобразное и вдруг понятое с обеих сторон... Разумихин побледнел как мертвец» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 240].

Человек слабый, несмелый, замкнутый на себе бросился бы бежать, осознав, что с этим приятелем связано нечто ужасное; отвернуться от безобразия и оказаться на безопасном расстоянии от него — выбор многих *обыкновенных*. Но в отважном сердце Разумихина таится глубокое понимание: следует осуждать грех и болеть о судьбе грешника.

И вот что важно: Раскольников абсолютно уверен в надежности и самоотверженности Разумихина[5]. Он не просит приятеля поддержать родных и не приказывает ему идти к ним, а будто поручает и завещает самое дорогое: «Воротись к ним и будь с ними... Будь и завтра у них... и всегда. <...> Оставь меня, а их... *не оставь*. Понимаешь меня? <...> Понимаешь теперь?.. — сказал вдруг Раскольников с болезненно искривившимся лицом. — Воротись, ступай к ним» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 240].

IV

Когда приехавшие в Петербург мать и сестра Раскольникова прослышали от кухарки Настасьи, *чем* был для их сына, во все время его болезни, некий «расторопный молодой человек» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 151], как назвала его, в тот же вечер, в интимном разговоре с Дуней, Пульхерия Александровна, они восприняли Разумихина как провидение, посланное свыше. И вот Разумихин знакомится с ними — с Дуней и ее мамой. Тем же вечером наступает момент, когда черные глаза Дуни сверкнули, и «он даже вздрогнул под этим взглядом» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 152].

История любви Разумихина носит характер молниеносного потрясения — во-первых, необыкновенной красотой Авдотьи Романовны, во-вторых, серьезным, вдумчивым выражением ее прекрасного лица в сочетании с веселым, молодым, беззаветным смехом.

«Горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный, как богатырь, и пьяный Разумихин, никогда не видавший ничего

5 Н.Н. Подосокорский отметил очень важное место в романе — когда Раскольников говорит о Разумихине: «Ведь вот этот человек за меня на распятие пойдет» [Достоевский, 1972 –1990, т. 6, с. 189]. См.: [Подосокорский, 2022, с. 106–107].

подобного, с первого взгляда потерял голову. К тому же случай, как нарочно, в первый раз показал ему Дуню в прекрасный момент любви и радости свидания с братом. Он видел потом, как дрогнула у ней в негодовании нижняя губка в ответ на дерзкие и неблагодарно-жестокие приказания брата, — и не мог устоять» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 157]. Через полчаса после знакомства он скажет Дуне и Пульхерии Александровне: «Вы источник доброты, чистоты, разума и... совершенства! Дайте вашу руку, дайте... вы тоже дайте вашу, я хочу поцеловать ваши руки здесь, сейчас, на коленах!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 155–156].

Дуня сразу оценит его отношение к брату и к ним с матерью: «Нам сам Бог послал этого господина <...>. На него можно положиться, уверяю вас. И всё, что он уже сделал для брата...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 156]. Понятно, почему с того самого вечера, когда Родион надумал распрощаться с родными, «Разумихин стал у них сыном и братом» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 240].

Любовное поведение Разумихина, как и весь рисунок его отношений с сестрой Раскольникова, сродни рыцарской истории, исполненной благородства, уважения, душевной готовности служить даме сердца без всякого расчета. Вспыхнувшая любовь означает для него всеобъемлющую заботу не только о любимой, но и обо всех ее близких, что бы с ними ни случилось. (Петр Петрович Лужин, антигерой романа, жених, которому рыцарство изначально неведомо, скажет невесте: «Ценя и, так сказать, обожая вас, я в то же время весьма и весьма могу не любить кого-нибудь из ваших домашних» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 230].)

Стихи в честь своей дамы Дмитрий Прокофьевич не пишет, песен о ней не слагает, в турнирах не сражается. Он рыцарь из категории совсем бедных: мечта о прекрасной, но тоже бедной Дуне, невесте богатого Лужина, кажется ему совершенно непозволительной. Ее «какое-то темненькое из легкой материи платье», повязанный на шее «белый прозрачный шарфик», скаредная обстановка комнаты, куда их с матерью поместил скряга-жених, вселяет в сердце Разумихина не то что бы надежду на успех, но страх — за каждый свой жест, за каждое слово [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 165].

Он не посмеет ревновать ее к Лужину, будет винить себя за дурные мысли и слова о нем, хотя быстро поймет, что за мерзавец посватался к Дуне. Разумихин увидит на ее руках заношенные и изодранные перчатки; заметит и «великолепные золотые часы

с эмалью, висевшие у ней на шее на тоненькой венецианской цепочке», о которых подумает, что это женихов подарок, но обрадуется, узнав, что жених «еще ничего не дарил Дунечке» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 169, 177].

В первые же мгновения знакомства с Дуней Разумихин поймет, что с ним случилось нечто «доселе совсем неизвестное ему впечатление и не похожее на все прежние» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 161]. Оно подействует на него с великой преображающей силой: в течение нескольких часов изменятся его наружность, костюм, манеры, лексика, интонации.

«Просто роза весенняя! — скажет ему Раскольников. — И как это к тебе идет, если б ты знал; Ромео десяти вершков росту! Да как ты вымылся сегодня, ногти ведь отчистил, а? Когда это бывало? Да ей Богу же ты напомадился! Нагнись-ка!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 190].

Когда Дуня при нем, при брате и при матери прогонит Лужина как жениха недостойного и человека подлого, Разумихин испытает полный восторг. «Он не смел еще вполне его выразить, но весь дрожал как в лихорадке, как будто пятипудовая гиря свалилась с его сердца. Теперь он имеет право отдать им всю свою жизнь, служить им... Да мало ли что́ теперь! А впрочем, он еще пугливее гнал дальнейшие мысли и боялся своего воображения» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 236].

Раскольников, увидев и угадав, куда ветер дует, велит Разумихину «беречь сестру» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 237]. Путь к сердцу Дуни Разумихин находит не в пылких признаниях и клятвах любить вечно — Дуня наверняка не раз их слышала от Свидригайлова, предлагавшего ей бежать хоть за границу и вместе утонуть в любовном омуте. Разумихин — рыцарь нового склада, который тонко чувствует характер такой девушки, как Дуня. Он предлагает ей не рай в шалаше, не бегство куда глаза глядят и даже не тайное венчание. Он не строит из себя любовника, жениха или мужа. «Меня, — говорит он Дуне и ее маме, — возьмите в друзья, в компаньоны, и уж уверяю, что затеем отличное предприятие» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 237–238].

Замечу: он говорит «затеем», а не «затею». Он излагает весь проект — сложить по тысяче рублей (Разумихину его тысячу даст дядя, который обещал давно, Дуня получила три тысячи в наследство от Марфы Петровны Свидригайловой), далее, соединив капиталы,

начать совместное издательское предприятие. «Об издательской-то деятельности и мечтал Разумихин, уже два года работавший на других и недурно знавший три европейские языка <...>. Конечно, нужно много труда, но мы будем трудиться, вы, Авдотья Романовна, я, Родион... иные издания дают теперь славный процент! А главная основа предприятия в том, что будем знать, что именно надо переводить. Будем и переводить, и издавать, и учиться, всё вместе. Теперь я могу быть полезен, потому что опыт имею. Вот уже два года скоро по издателям шныряю и всю их подноготную знаю: не святые горшки лепят, поверьте!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 238].

Главное: Разумихин ничуть не преувеличивает, не сочиняет, и тем более не врет. «А уж насчет собственно хлопот по делам, типографий, бумаги, продажи, это вы мне поручите! Все закоулки знаю! Помаленьку начнем, до большого дойдем, по крайней мере прокормиться чем будет, и уж во всяком случае свое вернем» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 238].

Снова замечу, *как* говорит Разумихин: *начнем, дойдем, свое вернем, будем вместе учиться*. Поразительно современный проект предлагает он — никто из героев Достоевского ни до, ни после Разумихина ничего подобного своим близким женщинам не предлагал. Ведь одно дело ехать в угрюмый немецко-язычный кантон Ури, навсегда поселиться там и жить в молчаливом созерцании друг друга. Другое дело — вместе трудиться, учиться, постигать издательское дело, издавать хорошие книги. Это как разница между «вместе умереть» и «вместе жить». На предложение à la Разумихин радостно согласились бы и Лиза Тушина, и Дарья Шатова, и Софья Улитина, и даже Марья Тимофеевна, если бы ей ласково все объяснить. Предложи Версилов Катерине Ахмаковой вместе издавать книги, она бы, наверное, очень удивилась, но скорее всего пошла бы за ним. Не стану утверждать насчет Настасьи Филипповны...

Хищным типам, однако, разумихинская идея в голову не приходит.

А что же Дуня?

«У Дуни глаза блестели.

— То, что вы говорите, мне очень нравится, Дмитрий Прокофьич, — сказала она.

— Я тут, конечно, ничего не знаю, — отозвалась Пульхерия Александровна. — Может, оно и хорошо, да опять ведь и Бог знает. Ново как-то, неизвестно» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 238].

Вспомним, как Лиза Тушина просила Шатова помочь ей с изданием «одной полезной книги». «Мне показалось еще за границей, что можно и мне быть чем-нибудь полезной. Деньги у меня свои и даром лежат, почему же и мне не поработать для общего дела?» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 104–105]. Шатов, конечно, помог бы, ведь мысль Лизы он сразу одобрил, но поработать вместе они трагически не успели...

Девушки Достоевского не торопятся с замужеством, они хотят дела, осмысленного, общественно полезного. Это и было то новое, то неизвестное, что в России только начиналось. В 1868 году Достоевский писал своей племяннице Софье Ивановой о «женском вопросе»: «Голубчик мой, занимайтесь своим образованием и не пренебрегайте даже и специальностию, но не торопитесь, главное; Вы еще слишком молоды, всё придет своим порядком, но знайте, что вопрос о женщине, и особенно о русской женщине, непременно, в течение времени даже Вашей жизни, сделает несколько великих и прекрасных шагов. <...> На днях прочел в газетах, что прежний друг мой, Надежда Суслова (сестра Аполлинарии Сусловой) выдержала в Цюрихском университете экзамен на доктора медицины и блистательно защитила свою диссертацию. Это еще очень молодая девушка; ей, впрочем, теперь 23 года, редкая личность, благородная, честная, высокая!» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 252].

Свою мысль о предназначении женщины Достоевский повторит и спустя восемь лет, в «Дневнике писателя»: «Возрождение русской женщины в последние двадцать лет оказалось несомненным. Подъем в запросах ее был высокий, откровенный и безбоязненный. Он с первого раза внушил уважение, по крайней мере заставил задуматься, невзирая на несколько паразитных неправильностей, обнаружившихся в этом движении. Теперь, однако, уже можно свести счеты и сделать безбоязненный вывод. Русская женщина целомудренно пренебрегла препятствиями, насмешками. Она твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно. Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее. В жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 28].

Но Достоевский, как и его герой Разумихин, не противопоставлял женскому образованию замужество: когда его не ставят во главу угла, оно приходит своим чередом. «Два месяца спустя Дунечка вышла замуж за Разумихина. Свадьба была грустная и тихая. Из приглашенных был, впрочем, Порфирий Петрович и Зосимов. Во всё последнее время Разумихин имел вид твердо решившегося человека. Дуня верила слепо, что он выполнит все свои намерения, да и не могла не верить: в этом человеке виднелась железная воля. Между прочим, он стал опять слушать университетские лекции, чтобы кончить курс. У них обоих составлялись поминутно планы будущего; оба твердо рассчитывали чрез пять лет наверное переселиться в Сибирь. До той же поры надеялись там на Соню... Пульхерия Александровна с радостью благословила дочь на брак с Разумихиным» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 414].

Какая поразительная рифма! Сибирь для Родиона Раскольникова должна была стать местом восьмилетней каторги. Дмитрию и Авдотье Разумихиным Сибирь сулила богатые возможности в осуществлении предпринимательских и творческих замыслов. «В молодой и горячей голове Разумихина твердо укрепился проект положить в будущие три-четыре года, по возможности, хоть начало будущего состояния, скопить хоть несколько денег и переехать в Сибирь, где почва богата во всех отношениях, а работников, людей и капиталов мало; там поселиться в том самом городе, где будет Родя, и... всем вместе начать новую жизнь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 413].

V

Подтверждалась причина, по какой Раскольников вдруг появился у Разумихина сразу после *«дела»*: «Ну, слушай: я к тебе пришел, потому что, кроме тебя, никого не знаю, кто бы помог... начать... потому что ты всех их добрее, то есть умнее, и обсудить можешь...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 88]. К счастью для всех, Родион Романович в Разумихине не ошибся.

Свою семейную жизнь Разумихин сразу начал строить, исходя из интересов всех четверых: себя самого, Дуни, Родиона и Сони; участь Раскольникова становилась теперь, помимо долга дружбы, делом семейственным. Еще до суда Дмитрий Прокофьевич «откопал откуда-то сведения и представил доказательства, что преступник Раскольников, в бытность свою в университете, из последних средств своих помогал одному своему бедному и чахоточному

университетскому товарищу и почти содержал его в продолжение полугода. Когда же тот умер, ходил за оставшимся в живых старым и расслабленным отцом умершего товарища (который содержал и кормил своего отца своими трудами чуть не с тринадцатилетнего возраста), поместил наконец этого старика в больницу, и когда тот тоже умер, похоронил его. Все эти сведения имели некоторое благоприятное влияние на решение судьбы Раскольникова» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 412].

Разумихин виделся с братом невесты в тюрьме так часто, как это только было возможно. Вместе с Дуней они поклялись, что их разлука не навеки, что они двое вместе с Соней будут его ждать, уверяли в счастливой будущности, когда он выйдет из каторги. Разумихин трогательно заботился о своей будущей теще, заболевшей Пульхерии Александровне — увез ее на все время суда, «выбрал город на железной дороге и в близком расстоянии от Петербурга, чтоб иметь возможность регулярно следить за всеми обстоятельствами процесса и в то же время как можно чаще видеться с Авдотьей Романовной» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 413].

В романах Достоевского мы более не встретим столь чистой и прекрасной любовной истории, как история любви Разумихина и Дуни. Ее можно сравнить только с историей самого Достоевского и Анны Сниткиной — историей, которая началась с совместной работы над романом «Игрок», продолжалась 14 лет, пока писатель был жив, и 37 лет после его ухода, когда вдова писателя Анна Григорьевна, научившись при муже издательскому делу, осуществляла, пока была жива, издания его книг.

Но автор истории, в которой Разумихину отводилась роль, куда бóльшая, чем полагалась бы герою второго плана, кажется, как и Дуня, искренне верит, что у Разумихина, с его железной волей, все обязательно получится. Верит в его деловитость, трудолюбие, честность и прямоту, верность слову. Он был не из тех, кто обещает много, а делает мало или совсем ничего, кто витает в облаках, не чуя под ногами почвы. Очень важно, что при всей своей пылкой влюбленности, при всем своем благоговении перед ослепительной красотой Авдотьи Романовны, он не стал рабом своих чувств, не растворился целиком в любимой женщине, но напротив: сохранил свою личность и свою цель, сумев приобщить к ней любимую женщину[6].

[6] См. Подготовительные материалы к роману: «Разумихин очень сильная натура и, как часто случается с сильными натурами, весь подчиняется Авд<отье> Ром<ановне>.

...Я перечитывала роман и придирчиво выискивала изъяны характера и личности героя. Разумихин и сам рылся памяти, перебирая свои прошлые делишки, «не то чтоб уж бесчестные, ну да однако ж!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 162]. Он ставил себе на вид какие-то свои помышления, несовместимые с Авдотьей Романовной. Сознавался, что недостоин ее, стыдился своей несуразности и неумелой горячности, своих бессвязных признаний, страдал, что не умеет быть образцом галантности: «Преклоняться перед вами — это обязанность каждого, если только он не совершенный скот! Я и преклонился» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 156]. К тому же он предстал перед Дуней и Пульхерией Александровной сразу после большой попойки. Для первого знакомства это было не слишком респектабельно, не могло не насторожить, даже напугать.

Да, он мог выпить очень много, но не подчинился зеленому змию. И кстати, многие пьяные эксцессы из черновиков романа навсегда там и остались, в окончательный текст не попали. Автор последовательно освобождал героя от всего слишком брутального, слишком эксцентричного, и даже от такой деликатной подробности, что во времена своей лютой бедности он «сам ходил по ночам на Неву мыть свое белье, просушивал его, вывесив за окном, на восходящем солнце, и сам потом скатывал его, занимая валек и скалку у соседки» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 233].

Понятно: лучше, наверное, чтобы Дуня об этом не узнала.

Автор сочинял для своего любимца Разумихина весьма трогательные и чувствительные эпизоды. Вот Дмитрий Прокофьевич привел к Пульхерии Александровне доктора Зосимова, чтобы тот успокоил ее насчет болезни Родиона. Но когда Зосимов, «чуть не облизываясь», посмел сказать: «какая восхитительная девочка эта Авдотья Романовна», — Разумихин рассвирепел, заревел. «Если ты когда-нибудь осмелишься... Понимаешь? Понимаешь? — кричал он, потрясая его за воротник и прижав к стене, — слышал?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 159].

Мрачный как туча влюбленный Разумихин понимал, что не имеет никакого права на ревность, но с первых минут знакомства осознал себя рыцарем, защищающим честь своей дамы. Он и от себя потребует абсолютной чистоты — даже малая тень сомнения

<...> Разумихин сначала стал рабом Дуни, <...> принизился перед нею» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 156]. Из окончательного варианта мотив «рабства» Рузумихина ушел; подробности его буйств, происходивших на глазах Дуни, вообще исчезли.

насчет его поступков не должна коснуться сердца Дуни. Он попросит Зосимова, падкого до дамских нежностей, обратить свои взоры на Прасковью Зарницыну, квартирную хозяйку Раскольникова: «Тут, брат, стыдливость, молчаливость, застенчивость, целомудрие ожесточенное, и при всем этом — вздохи, и тает как воск, так и тает! Избавь ты меня от нее, ради всех чертей в мире! Преавенантненькая!.. <...> У ней клавикорды стоят; я ведь, ты знаешь, бренчу маленько; у меня там одна песенка есть, русская, настоящая: “Зальюсь слезьми горючими...”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 160].

Разумихин клянется приятелю, что никаких обещаний «Пашеньке» он не давал, жениться не обещал и не завлекал, но сам, по глупости, был завлечен. «Тут, брат, этакое перинное начало лежит, — эх! да и не одно перинное! Тут втягивает; тут конец свету, якорь, тихое пристанище, пуп земли, трехрыбное основание мира, эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара, тихих воздыханий и теплых кацавеек, натопленных лежанок, — ну, вот точно ты умер, а в то же время и жив, обе выгоды разом!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 161].

Прежде чем разрешить Разумихину всерьез думать и мечтать об Авдотье Романовне, автор создает ситуацию, где бы взгляды этого пылкого молодого мужчины на близкие отношения с женщиной раз и навсегда были прояснены: «перинное начало» и «теплые кацавейки» его не прельстят никогда, верность его будет непоколебима!

За Разумихина больше и лучше всего говорили его поступки, его нравственная чистота, благородство помыслов, христианнейшая доброта, самоотверженность и сострадательность. Достоевский создавал характер из тех, о котором позднее он не раз скажет: лучшие люди. «Где теперь и что такое теперь лучшие люди. Без лучших людей земля не стоит. Чины — пали. Дворянство пало. Все форменные установки лучшего человека — пали. Остались народные идеалы (юродивый, простенький, но прямой, простой. Богатырь Илья Муромец, тоже из обиженных, но честный, правдивый, истинный). В обществе хоть и профессор, хоть и ученый, талант, но чтоб честный и истинный. Понятно, что надо бы такому мировоззрению удержаться в народе — единственное наше спасение» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 269].

Спустя два года после выхода в свет «Преступления и наказания», Достоевский задумал новый роман, где хотел «*изобразить положительно прекрасного человека*» и сетовал, что «труднее этого нет

ничего на свете» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 251]. Но неужели он не сознавал, что роман с таким героем только что сам и написал? Нет сомнения, что сознавал — для того и планировал переместить в Сибирь, поближе к каторжнику Родиону Раскольникову, верного рыцаря Дмитрия Разумихина, назначив ему послушание быть рядом с заблудшим и потерянным другом, чтобы вразумить его, явить пример, увлечь сто́ящим занятием. «Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 197], — размышлял, как мы помним, Разумихин.

Автор позаботился, чтобы тридцатидвухлетнему Родиону Романовичу, когда закончится его каторжный срок, было к кому обратиться за советом и поддержкой. Преданную любовь обещала Соня, но помочь найти себя и свой путь в новых условиях могли только Разумихины, Дуня и Дмитрий.

«Трудно было быть более в гибели, но работа меня вынесла» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 235], — признался однажды писатель, глубоко познавший спасительную миссию настоящего дела.

Список литературы

1. Викторович, 2019 — *Викторович В.А.* Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну. 15 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud Publishing, 2019. 452 с.

2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

3. Зарицкая — *Зарицкая И.* Дмитрий Разумихин — второстепенный герой. URL: https://spadilo.ru/geroi/dmitrij-razumixin/ (дата обращения: 03.02.2024).

4. Карякин, 1976 — *Карякин Ю.Ф.* Самообман Раскольникова: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Худож. лит., 1976. 158 с.

5. Карякин, 1989 — *Карякин Ю.Ф.* Самообман Раскольникова // *Карякин Ю.Ф.* Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989. 656 с.

6. Кирпотин, 1972 — *Кирпотин В.Я.* Достоевский-художник. М.: Сов. писатель, 1972. 320 с.

7. Мысляков, 1974 — *Мысляков В.А.* Как рассказана «История» Родиона Раскольникова (К вопросу о субъективно-авторском начале у Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 147–163.

8. Платон, 1968 — *Платон.* Апология Сократа / пер. с древнегреч. М.С. Соловьева // *Платон.* Соч.: в 3 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1968. Т. 1. С. 81–112.

9. Подосокорский, 2022 — *Подосокорский Н.Н.* «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский

и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71–135. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135

10. Померанц, 1990 — *Померанц Г.С.* Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: Сов. писатель, 1990. 384 с.

11. Сараскина, 2010 — *Сараскина Л.И.* «Наметив подходящую жертву...» Стандарты интерпретаций // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2010. № 27. С. 231–249.

12. Степанян, 2005 — *Степанян К.А.* «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М.: Раритет, 2005. 512 с.

13. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

14. Фридлендер, 1964 — *Фридлендер Г.М.* Реализм Достоевского. М.: Наука, 1964. 404 с.

15. Юрьева, 2023 — *Юрьева О.Ю.* Зачем в романе Вразумихин? // Достоевский и современность. Материалы XXXVI–XXXVII Международных Старорусских чтений 2021–2022 годов. Великий Новгород, 2023. С. 118–129.

Интернет-ресурсы

1. Карта слов и выражений русского языка — Синонимы к словосочетанию «второстепенный персонаж» // Карта слов и выражений русского языка. URL: https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B-%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6 (дата обращения 07.02.2024).

2. Литература — школе — «Преступление и наказание». Разумихин: характеристика персонажа // Литература — школе. URL: https://gsschool.ru/vkratce/razumihin-prestuplenie-i-nakazanie.html#:~:text=%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%B8%D1%85%D0%B8%D0%BD%20%E2%80%94%20%D0%BE%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D1%8B%D0%B9%2C%20%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D1%8B%D0%B9%2C%20%D1%81%81,%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D1%8E%20%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%8E%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%83 (дата обращения: 18.02.2024).

3. Мир русской литературы — Характеристика Разумихина в романе «Преступление и наказание», образ, описание // Мир русской литературы. URL: https://www.literaturus.ru/2020/07/razumihin-prestuplenie-i-nakazanie-obraz-harakteristika-opisanie.html (дата обращения: 17.02.2024).

4. Разумихин — Разумихин // Образовака. URL: https://obrazovaka.ru/sochinenie/prestuplenie-i-nakazanie/razumihin-harakteristika.html (дата обращения: 07.02.2024).

References

1. Viktorovich, V.A. *Dostoevskii. Pisatel', zaglianuvshii v bezdnu. 15 lektsii dlia proekta Magisteriia* [*Dostoevsky. A Writer Who Looked into the Abyss. 15 Lecture for the Project Magisteria*]. Moscow, Rosebud Publishing Publ., 2019. 452 p. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. Zaritskaia, I. "Dmitrii Razumikhin — vtorostepennyi geroi" ["Dmitry Razumikhin, a Secondary Character"]. *Spadilo.ru*. Available at: https://spadilo.ru/geroi/dmitrij-razumixin/ (Accessed 03 Feb. 2024) (In Russ.)

4. Kariakin, Iu.F. *Samoobman Raskol'nikova: Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie"* [*Raskol'nikov's Self-Deception: Fyodor Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1976. 158 p. (In Russ.)

5. Kariakin, Iu.F. "Samoobman Raskol'nikov" ["Raskol'nikov's Self-Deception"]. Kariakin, Iu.F. *Dostoevskii i kanun XXI veka* [*Dostoevsky and the Eve of the 21st Century*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 656 p. (In Russ.)

6. Kirpotin, V.Ia. *Dostoevskii-khudozhnik* [*Dostoevsky the Artist*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1972. 320 p. (In Russ.)

7. Mysliakov, V.A. "Kak rasskazana 'Istoriia' Rodiona Raskol'nikova (K voprosu o sub''ektivno-avtorskom nachale u Dostoevskogo)" ["How the 'Story' of Rodion Raskolnikov Is Told (About the problem of the Author's Subjectivity of Dostoevsky)"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 147–163. (In Russ.)

8. Plato. "Apologiia Sokrata" ["The Apology of Socrates"]. Trans. from the ancient Greek by M.S. Solovyov. Plato. *Sochineniia: v trekh tomakh* [*Works: in 3 vols*], vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1968, pp. 81–112. (In Russ.)

9. Podosokorskii, N.N. "'Napoleonovskii' Peterburg i ego otrazhenie v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["'Napoleonic' Petersburg and its Reflection in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (20), 2022, pp. 71–135. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135

10. Pomerants, G.S. *Otkrytost' bezdne: Vstrechi s Dostoevskim* [*The Openness to the Abyss. Encounters with Dostoevsky*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 384 p. (In Russ.)

11. Saraskina, L.I. "'Nametiv podkhodiashchuiu zhertvu…' Standarty interpretatsii" ["'Having Selected an Appropriate Victim…'. Interpretation Standards"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 27, 2010, pp. 231–249. (In Russ.)

12. Stepanian, K.A. *"Soznat' i skazat'": "Realizm v vysshem smysle" kak tvorcheskii metod F.M. Dostoevskogo* [*"To Realize and Say": "Realism in the Highest Sense" as Dostoevsky's Creative Method*]. Moscow, Raritet Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)

13. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus, Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)

14. Fridlender, G.M. *Realizm Dostoevskogo* [Dostoevsky's Realism]. Moscow, Nauka Publ, 1964. 404 p. (In Russ.)

15. Iureva, O.Iu. "Zachem v romane Vrazumikhin?" ["Why is Vrazumikhin in the Novel?"]. Sharakov, S.L., editor. *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XXXVI Mezhdunarodnykh Starorusskikh

chtenii 2021 goda [*Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings of the 36th International Readings in Staraya Russa, 2021*]. Veliky Novgorod, 2022, pp. 118–128. (In Russ.)

Reference list of Internet sources

1. “Sinonimy k slovosochetaniiu ‘vtorostepennyi personazh’” [“Synonyms for the Collocation ‘Secondary Character’”]. *Karta slov i vyrazhenii russkogo iazyka*. Available at: https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B-%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6 (Accessed 07 Feb. 2024) (In Russ.)

2. “‘Prestuplenie i nakazanie’. Razumikhin: Kharakteristika personazha” [“*Crime and Punishment*. Razumikhin: A Characteristic”]. *Literatura — shkole*. Available at: https://gsschool.ru/vkratce/razumihin-prestuplenie-i-nakazanie.html#:~:text=%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%B8%D1%85%D0%B8%D0%BD%20%E2%80%94%20%D0%BE%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D1%8B%D0%B9%2C%20%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D1%8B%D0%B9%2C%20%D1%81,%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D1%8E%20%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%8E%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%83 (Accessed 18 Feb. 2024) (In Russ.)

3. “Kharakteristika Razumikhina v romane ‘Prestuplenie i nakazanie’, obraz, opisanie” [“Characterization of Razumikhin in the Novel *Crime and Punishment*, Image, Description”]. *Mir russkoi literatury*. Available at: https://www.literaturus.ru/2020/07/razumihin-prestuplenie-i-nakazanie-obraz-harakteristika-opisanie.html (Accessed 17 Feb. 2024) (In Russ.)

4. “Kharakteristika Razumikhina iz romana ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“The Characteristics of Razumikhin from the Novel *Crime and Punishment*”]. *Obrazovaka.ru*. Available at: https://obrazovaka.ru/sochinenie/prestuplenie-i-nakazanie/razumihin-harakteristika.html (Accessed 07 Feb. 2024) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.03.2024
Одобрена после рецензирования: 30.03.2024
Принята к публикации: 10.04.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 19 Mar. 2024
Approved after reviewing: 30 Mar. 2024
Accepted for publication: 10 Apr. 2024
Date of publication: 25 June 2024